

— Генерал... братец...

Шангуань Тин молча наблюдал за Янь Цзином почти три четверти часа, и лишь когда Шан Цянь вошел в шатер в сопровождении Ци Пина и Ю Ю, он наконец очнулся от своих мыслей.

— Ваше Высочество! — Ю Ю поспешно попыталась дать Янь Цзину пилюлю, но та, едва коснувшись губ, выскользнула обратно. — Не проглатывает, что же делать...

Ци Пин отставил в сторону аптечку и закатал длинные рукава:

— Не суетись, дай-ка я посмотрю.

Положив пальцы на пульс, Ци Пин нахмурился еще сильнее, и лицо его стало предельно серьезным. Ю Ю, не отрывая глаз, следила за ним, и, заметив перемену в его выражении, тревожно спросила:

— Ну что там?

— Скорее найдите еще несколько жаровен! Зима в Наньцзяне слишком сурова, холод спровоцировал действие ядов в его теле. Один из них пришел в движение, равновесие нарушилось, и теперь они больше не сдерживают друг друга. Его организм истощен, и если все эти яды начнут действовать одновременно, он долго не протянет. Растворите пилюлю в воде и дайте ему выпить, а я пойду приготовлю отвар, чтобы хоть как-то поддержать в нем жизнь. Выживет он или нет — теперь зависит только от его удачи.

Когда все разошлись, Шангуань Тин сел на край кровати.

— Так холодно... так больно... — Янь Цзин разжал пальцы, которыми вцепился в одеяло, и потянулся к источнику тепла. Он ухватился за руку, лежавшую на краю постели, и прошептал: — Как тепло.

Шесть жаровен окружили кровать, угли пылали ярко-красным пламенем. В шатре стало жарко, словно в разгар лета, и люди внутри изнывали от зноя. Но тело Янь Цзина оставалось ледяным.

Ци Пин приподнял Янь Цзина, а Ю Ю попыталась напоить его лекарством.

— Рот Его Высочества никак не разжимается, — Ю Ю показала белоснежный платок, подложенный под подбородок Янь Цзина, который уже пропитался бурой жидкостью. — Лекарство совсем не идет.

Шангуань Тин забрал у нее чашу и на глазах у всех с силой разжал Янь Цзину челюсть, влив отвар ему в рот.

— Что ты делаешь?! — воскликнула Ю Ю.

Шангуань Тин вправил челюсть на место:

— Пою его лекарством.

Ю Ю пришла в ярость и выхватила чашу:

— Его Высочество и так болен, а ты еще распускаешь руки! У тебя хоть капля сострадания есть?

— Если твое сострадание может спасти ему жизнь, то мне нечего сказать. А если нет — закрой рот.

— Ты...

Ю Ю лишилась дара речи. Прижимая к себе чашу, она, насупившись, выбежала из шатра.

Ци Пин поправил одеяло на Янь Цзине и вытер холодный пот с его лба:

— Не будь так суров с девушкой, будто съесть её готов. Она ведь не твой подчиненный, чтобы ты её так отчитывал. Шан Цянь, не бери пример со своего господина, а то так и останешься без жены.

Ци Пин подхватил аптечку и похлопал Шангуань Тина по плечу:

— Я присмотрю за ним, если что — зови.

Шан Цянь последовал за ним:

— Господин Ци, я провожу вас.

Уже снаружи Ци Пин спросил:

— Шан Цянь, как зовут наследного принца Государства Янь?

— Янь Цзин, — удивленно ответил тот. — Разве вы не из Государства Янь? Как вы можете не знать?

Ци Пин покачал головой и вздохнул:

— Я уже очень давно не был на родине.

— Вам не хочется домой, господин Ци?

— У меня нет дома, по которому можно было бы тосковать.

Шан Цянь поджал губы и тихо произнес:

— Простите.

Ци Пин рассмеялся:

— Да что тут извиняться? Дом — не такая уж великая ценность. Если есть те, кто ждет, найдутся и те, кто ненавидит. Я как раз из последних.

Шан Цянь почесал затылок и глупо улыбнулся:

— Давайте я понесу вашу аптечку.

— Не нужно, она не тяжелая, я справлюсь.

— Нужно, нужно! Шан Вань говорил, что если ляпнешь глупость, нужно обязательно загладить вину, иначе люди отвернутся, — Шан Цянь перехватил аптечку. — Еще говорит, не тяжелая... Да она весит не меньше, чем лук Его Высочества.

Теплый отвар разлился по телу, возвращая онемевшему Янь Цзину чувствительность.

Когда в шатре затрещали свечи, Янь Цзин открыл глаза и первым делом увидел колеблющуюся тень Шангуань Тина. Он попытался что-то сказать, но не смог издать ни звука. Попытался приподняться — но даже рука не слушалась. Янь Цзин снова закрыл глаза. Бессилие, беспомощность и полная никчемность, словно хищный зверь, начали медленно пожирать его изнутри.

— Очнулся? — Шангуань Тин с чашкой теплой воды подошел к кровати. — Раз проснулся, открывай глаза. Выпей воды, а то еще умрешь от жажды во сне.

Тень накрыла Янь Цзина. Он открыл глаза и с трудом, по слогам, выдавил из себя:

— Не... умею... говорить... ты... можешь... молчать... никто... не... считает... тебя... немой... Я... тоже... не... хочу... слушать... Убейся... прочь... подальше... от... меня...

— Я не немой, зато ты заикаешься, — Шангуань Тин поднес чашку к его губам. — пей. Это та самая ключевая вода, которую ты хотел.

Янь Цзин бросил на него презрительный взгляд:

— Ты... посмотри... на... себя...

Шангуань Тин одной рукой приподнял его и прижал чашку к губам:

— Закрой рот и пей.

— Мои... зубы...

Когда вода была выпита, Янь Цзин поднял взгляд. Сначала он увидел глаза Шангуань Тина, потом свет в этих глазах, а в самом конце — свое собственное отражение в этом свете. Шангуань Тин смотрел на него в ответ, видя в его глазах самого себя.

Янь Цзин дернул его за рукав:

— Мне... холодно... так... холодно...

Шангуань Тин отставил чашку:

— Вокруг твоей кровати стоят шесть жаровен. Если принести сюда семена, завтра можно будет собирать свежие овощи.

— Убирайся... вон... — Янь Цзин откинулся на подушки, придавив руку Шангуань Тина. — Убери... свою... вонючую... руку... не... пользуйся... моей... слабостью...

Шангуань Тин вытянул руку и размял запястье:

— Если чего-то хочешь, говори прямо, не надо лгать.

— Хочу... тебя... — Янь Цзин закрыл глаза и поторопил: — Убирайся... скорее...

Шангуань Тин не разозлился:

— Ты живешь в моем шатре, так что уйти я не могу. Если не хочешь меня видеть, могу приказать вынести тебя отсюда.

— В будущем... та... кто... выйдет... за... тебя... навлечет... на... себя... восемь... поколений... несчастий...

— Не переживай, тебя это не коснется, — Шангуань Тин взял кисть и углубился в бумаги. — Лучше побеспокойся о себе, чем обо мне.

— Вон.

Когда Янь Цзин уснул, Шангуань Тин задул свечи у его кровати, а затем и свои, оставив лишь одну на столе. В темноте Янь Цзин украдкой приоткрыл глаза. Каждый из них думал о своем — один в свете, другой во тьме.

На следующее утро Ци Пин вновь осмотрел Янь Цзина:

— Состояние стабилизировалось, но нужно быть осторожным. Ни в коем случае не выходи наружу, чтобы не простудиться. Старайся меньше вставать. В отвар я добавил успокаивающие травы, тебе нужно больше отдыхать.

Янь Цзин кивнул. Шангуань Тин, стоявший рядом, добавил:

— Проверь его горло.

После тщательного осмотра Ци Пин заключил, что всё в порядке и через несколько дней голос вернется.

— Что с тобой? — спросил Шангуань Тин, когда Ци Пин ушел.

С самого пробуждения Янь Цзин был мрачнее тучи.

— Я... не... умылся... не... прополоскал... рот... волосы... растрепаны... уродство... какое...

Шангуань Тин принес таз с теплой водой, выжал полотенце и, придерживая Янь Цзина за затылок, начал небрежно тереть ему лицо. Когда он принялся расчесывать волосы, то дернул слишком сильно, вырвав клочок, отчего лицо Янь Цзина стало еще чернее.

— Нельзя... ли... позвать... кого-то... другого... больно... же...

— Нельзя. Тут только я.

<http://bllate.org/book/21786/2253237>